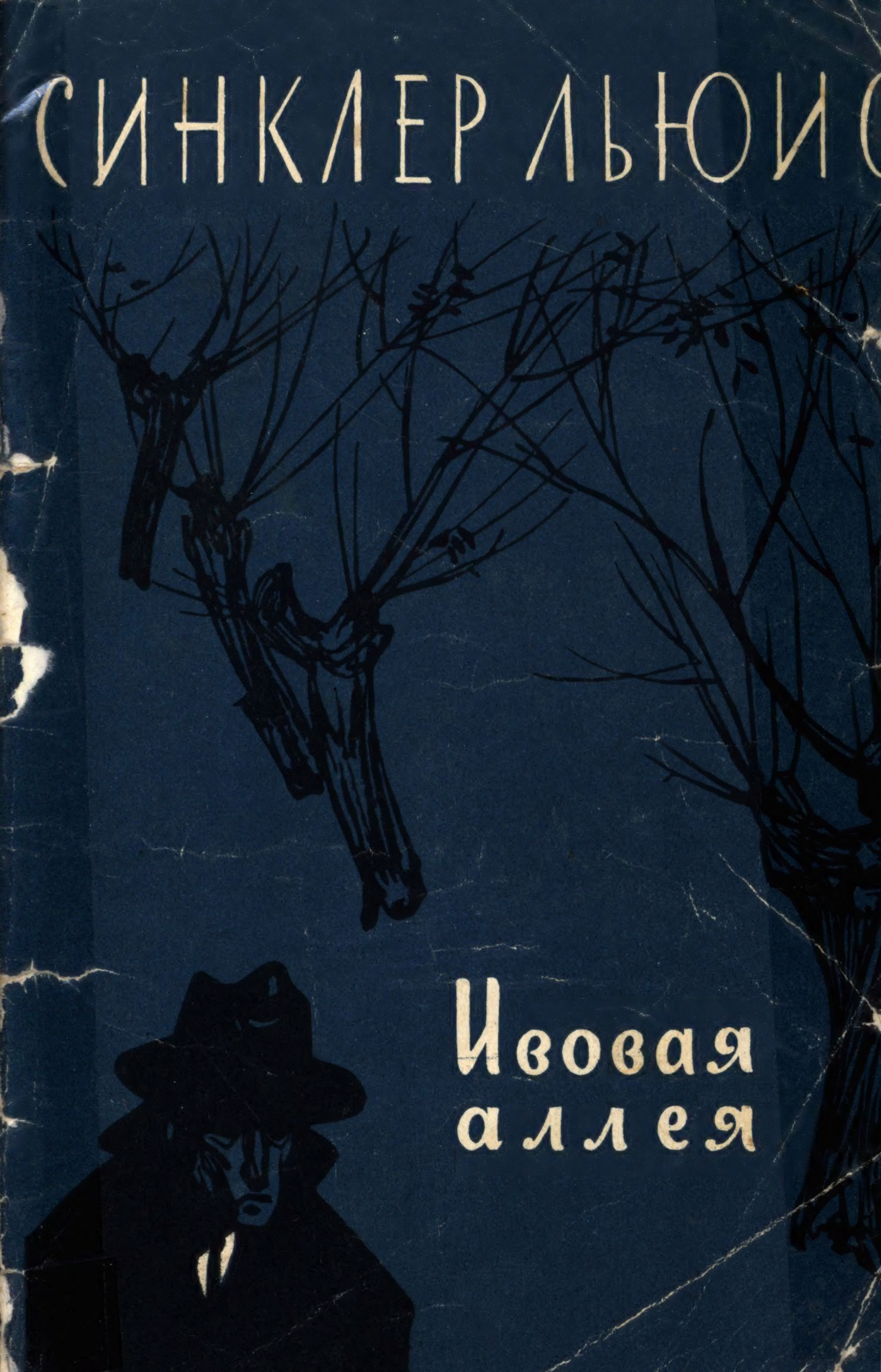

СИНКЛЕР ЛЬЮИС
Ивовая аллея

СИНКЛЕР ЛЬЮИС

НОВЕЛЛА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1957

Перевод с английского
П. ОХРИМЕНКО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Синклер Льюис (1885—1951) — один из наиболее известных американских писателей XX века. Сын провинциального врача, Льюис с молодых лет посвятил себя литературной деятельности и быстро стал выдающимся деятелем американской культуры. Трудно встретить книгу по истории США нашего времени, в которой не упоминался бы Синклер Льюис, его произведения, имена его героев.

Не все книги Льюиса имеют равную ценность. Слава его зиждется на серии сатирико-обличительных романов, которые в совокупности образуют внушительную картину социальной и культурной жизни США. Знакомство с этими романами Синклера Льюиса, содержащими обширный и разнообразный социально-бытовой материал, подобно основательной экскурсии по США. Не все взгляды Синклера Льюиса для нас приемлемы, и некоторые суждения вызывают протест, но зоркость писателя, первоклассное знание жизни своей страны и яркий художественно-сатирический дар делают общение с ним полезным и увлекательным.

Лучшие романы Синклера Льюиса получили мировую известность и сыграли важную роль в осуждении всем передовым человечеством реакционных сторон американской буржуазной цивилизации.

В «Главной улице» (1920) Льюис познакомил читателей с затхлым мирком американского провинциального мещанства, в

«Бэббите» (1922) создал образ стандартного американского буржуа-дельца, в «Эрроусмите» (1925) рассказал о горестной судьбе ученого-исследователя в обществе, где интересы науки подчинены интересам капитала, в «Элмере Гантри» (1927) сатирически высмеял грубую эксплуатацию религиозных предрассудков в США.

В тридцатых годах тематика романов Льюиса приобретает более напряженный характер: он вынужден коснуться острых и актуальных общественных вопросов. В «Энн Викерс» (1923) раскрываются неприглядные стороны американской тюремной системы, в романе-памфлете «У нас это невозможно» (1935) Льюис, в форме грозного предупреждения, рисует установление в США диктатуры реакционно-фашистских элементов, в «Гидеоне Пленише» (1943) говорит об опасности организованной капиталистической пропаганды и в «Королевской крови» (1947) клеймит расовую дискриминацию и преследование негров в США.

Герои произведений Льюиса, живые и типические, стали нарицательными образами американской жизни и литературы. Это относится и к его отрицательным персонажам (бизнесмен Бэббит, религиозный лицемер Элмер Гантри) и к положительным (ученый медик Эрроусмит, герой «Королевской крови» Кингсблад).

Предлагаемый читателю рассказ Синклера Льюиса «Ивовая аллея» принадлежит к ранним, менее известным литературным опытам писателя.

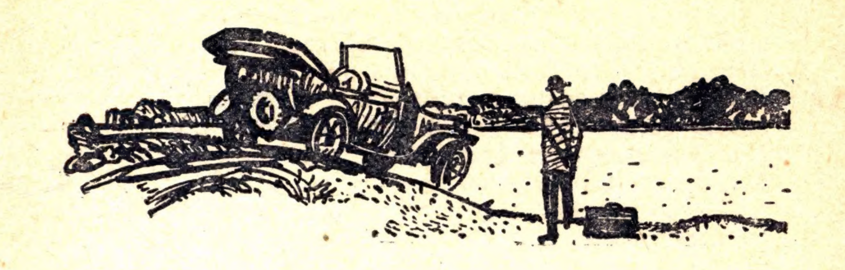
Сатирический и отчасти юмористический сюжет «Ивовой аллеи» состоит в том, что банковский кассир, задумавший ограбить банк, в котором он служит, дурачит жителей провинциального американского городка до полной слепоты, играя на их обывательской ограниченности. Обладая сноровкой актера-трансформатора, он разыгрывает одновременно роли двух братьев-близнецов — провинциального «светского льва» Джеспера Холта и придурковатого религиозного фанатика Джона Холта. Добившись успеха в обеих ролях у нетребовательных обывателей, он дерзко смеется над ними. Джеспер Холт бесследно исчезает с похищенными деньгами, остается его «близнец»-святоша, которого никак невозможно заподозрить в преступлении.

Во второй половине рассказа автор, быть может задавшись целью высмеять обычную развязку детективных романов, в которых ловкие сыщики успешно преследуют и разоблачают преступника, заставляет вора попасться в собственную ловушку. Обрекши себя на несвойственное ему существование религиозного фанатика, герой рассказа приходит в замешательство и затем в отчаяние. Он

становится равнодушен к украденным деньгам и стремится теперь уже только к одному — вернуть себе свою утраченную личность. Он готов для этого даже отдаться в руки полиции. Однако одураченные им горожане остаются нечувствительными к его признаниям и саморазоблачениям в силу той самой обывательской ограниченности, которая позволила ему торжествовать над ними первый раз.

Социально-сатирические мотивы не развиты в «Ивовой аллее» с последовательностью, характерной для зрелого Синклера Льюиса; все же в трагической развязке рассказа присутствует мысль о фальши ходячей буржуазной морали и разрушительной силе денег.

А. Старцев

ИВОВАЯ АЛЛЕЯ

I

Из ящика своего письменного стола Джеспер Холт достал ровно обрезанный кусок оконного стекла. На стекло он положил лист бумаги и написал:

«Для всех честных людей настало время прийти на помощь партии».

Он внимательно исследовал округленный четкий почерк — почерк человека, обучавшегося в коммерческом колледже,— и затем переписал ту же фразу мелкими кудрявыми буквами, вышедшими, казалось, из-под руки старого педанта. Десять раз переписал он ее этим чужим, искаженным почерком. Потом он разорвал бумагу, сжег клочки в большой пепельнице и смыл с нее легкий пепел под умывальником. Стекло он положил обратно в ящик, удовлетворенно постучав по нему пальцем. На стекле не оставалось отпечатка написанного.

У Джеспера Холта был почти такой же респектабельный вид, как и у его комнаты — лучшей комнаты аристократического пансиона миссис Лайонс, обставленной плюшевыми креслами с бахромой и украшенной бесчисленными подушечками для булавок с вышитыми на них анютиными глазками. Это был крепкий, начи-

нающий лысеть брюнет лет тридцати восьми, одетый в свободный серый костюм с белой гвоздикой в петлице. Пальцы у него были удивительно сильные и гибкие. Внешне он походил на моложавого адвоката или на агента по продаже акций. На самом же деле он был старшим кассиром отделения Национального лесного банка в городе Верноне.

Он посмотрел на свои маленькие золотые часы — они показывали половину седьмого. Была среда, тихий весенний день клонился к вечеру. Взяв трость и серые шелковые перчатки, Джеспер Холт медленно спустился в переднюю. Увидев там хозяйку пансиона, он слегка поклонился. Она пространно изложила свое мнение о погоде.

— Я не вернусь к обеду,— вежливо предупредил он.

— Хорошо, мистер Холт. Как всегда, развлекаетесь с вашими шикарными друзьями! Я читала в «Геральде», что Городской театр ставит новую пьесу из светской жизни и вы будете играть главную роль. Быть бы вам актером, мистер Холт, не служи вы в банке!

— Боюсь, у меня не хватило бы таланта.— Голос его звучал любезно, но улыбка была только механическим изгибом губ.— Вот у вас — сценическая внешность. Ей-богу, из вас вышла бы вторая Этель Барримор [1], если бы вам не приходилось возиться с нами.

— Ну, и льстец же вы!

Поклонившись, Джеспер Холт вышел на улицу и неторопливым шагом направился к общественному гаражу. Молча кивнув ночному дежурному, он сел в свою машину и, выехав из гаража, повернул в сторону от центра Вернона, к предместью Роузбэнк. Но он не поехал прямо туда, а, свернув, остановился через семь кварталов на авеню Фендол — одной из тех маленьких «главных» улиц, которые благодаря своим кинотеатрам, магазинам, прачечным, закусочным и похоронным бюро служат центрами бедных кварталов. Выйдя из машины, он начал толкать шины носком ботинка, делая вид, что проверяет, хорошо ли они накачаны. В то же время он

---

[1] Барримор Этель (р. 1879) — известная американская драматическая актриса.

украдкой оглядывал улицу. Не увидев ни одного знакомого лица, он вошел в кондитерский магазин «Парфенон».

В кондитерской «Парфенон» можно купить конфеты в оригинальной коробке, похожей на книгу. Задняя стенка такой коробки сделана из искусственной кожи, и на ней вытеснена надпись, напоминающая название романа. Боковые стенки изображают обрез книги, но страниц в ней нет, и пространство внутри заполняется конфетами.

Джеспер оглядел коллекцию таких коробок и остановил свой выбор на двух, названия которых показались ему наиболее солидными — «Бонбоньерка невесты» и «Дамское счастье». Он попросил гречанку продавщицу наполнить их дешевыми шоколадными конфетами и завернуть.

Из кондитерской он отправился в аптеку, где продавались дешевые книги, и выбрал два романа с названиями в том же сентиментальном духе, что и надписи на книгах-коробках. Их он тоже попросил завернуть. Затем, неторопливо выйдя из аптеки, он юркнул в соседнюю закусочную, взял с грязного мраморного прилавка сандвич с салатом, булочку и чашку кофе, прошел к столику в дальний темный угол и торопливо принялся за еду. Из закусочной он вернулся к своей машине и опять осторожно посмотрел вдоль улицы.

Ему почудилось, что он знает одного из приближающихся прохожих. Но уверенности у него не было. Голова и плечи этого человека были ему как будто знакомы, как были знакомы головы и плечи клиентов банка, которые он видел в окошке кассы. Но, встречая этих людей на улице, он никогда не бывал уверен, знает ли он их. Каждый раз ему казалось удивительным, что клиент, который в его представлении был только головой с приделанными к ней руками, протягивавшими чеки и бравшими деньги, может ходить, обладает ногами, своей особенной походкой и манерой держаться.

Он отошел к обочине тротуара и уставился на карниз одного из магазинов, поджимая губы с видом человека, осматривающего здание. Краем глаза он следил за

приближающимся человеком. Подойдя, тот кивнул и поздоровался:

— Привет, кассир!

Джеспер притворно вздрогнул, как будто только что заметив прохожего, и ответил:

— Ах! А... Здравствуйте! — после чего добавил: — Проверяю имущество банка.

— Ни минуты без дела! — И прохожий пошел дальше.

Джеспер сел в машину и снова повернул на улицу, которая вела к предместью Роузбэнк. Выезжая с авеню Фендол, он взглянул на часы. Было без пяти семь.

В четверть восьмого он проехал по главной улице Роузбэнка и свернул в проулок, который практически не изменился с тех пор, как был проселком. Правда, на него кое-где выходили построенные на скорую руку дачи с облупившейся краской, но большей частью по сторонам тянулись болотца с зарослями ив, а зыбкая почва местами была покрыта листьями и опавшей корой. От проулка ответвлялась запущенная дорога с поросшими травой колеями, которая исчезала в ивовой заросли.

Автомобиль проскочил через полуразвалившиеся ворота с надписью «Частная собственность» и понесся по тряской дороге. Джеспер сделал резкий поворот, выехал к деревянному некрашеному сараю и, не убавляя скорости, влетел в него, чуть не врезавшись радиатором в заднюю стену. Выключив мотор, Джеспер поспешно вылез из машины и побежал обратно к воротам. Спрятавшись среди густой ольхи, он осторожно оглядел дорогу. Мимо, о чем-то оживленно разговаривая, шли две женщины. Они задержались на минуту, заглядывая в ворота.

— Вот здесь живет этот отшельник,— сказала одна.

— Ах, тот, что пишет духовный трактат и показывается только по вечерам? Какой-то проповедник?

— Он самый. Зовут его, кажется, Джон Холт. Он, по-моему, не в своем уме. Он живет в старом доме Бродетта. До́ма отсюда не видно — он в том конце участка, выходит на соседнюю улицу.

— Я тоже слыхала, что он не в своем уме. Однако я только что видела, как сюда въехал автомобиль.

— Ах, это его родственник — брат или что-то в этом роде,— который живет в городе. Говорят, богатый и очень приятный человек.

Женщины пошли дальше, и голоса их замерли в отдалении. Среди зарослей ольхи Джеспер пальцами левой руки потер ладонь правой. Ладонь была суха от нервного напряжения, но он ухмыльнулся.

Он прошел мимо сарая и очутился в длинной вымощенной кирпичом аллее, по сторонам которой поднимались стеной развесистые ивы. Когда-то это была красивая аллея; по бокам ее стояли деревянные резные скамейки, а в конце открывалась площадка с садиком, украшенным искусственными скалами, с фонтаном и с каменной скамьей. Садик одичал, и среди буйно разросшихся ползучих растений только кое-где торчали острые камни; краска на фонтане облупилась, ржавчина изъела железных амуров и наяд. Кирпич под ногами покрылся мхом и лишайниками, всюду лежали комья засохшей грязи и кучи сухих листьев. Многие кирпичи раскрошились, и выщербленная аллея стала неровной. От ив, кирпичей и взрытой земли веяло сыростью и холодом.

Но Джеспер, казалось, не замечал сырости. Он быстро шагал по аллее к дому — массивному каменному зданию, которое в этой сравнительно недавно заселенной местности среднего Запада считалось старинным. Оно было построено в 1839 году французом, торговцем пушниной. Во дворе этого дома чиппевеи в свое время кого-то скальпировали. Тяжелая дверь черного хода запиралась неожиданно современным дорогим замком. Джеспер отпер дверь английским ключом и затворил ее за собой. Пружинный замок щелкнул. Джеспер очутился в маленькой кухне с опущенными шторами. Через кухню и столовую он прошел в гостиную. Привычно лавируя в темноте между столами и стульями, как человек, хорошо знакомый с обстановкой, он подошел к каждому из трех окон гостиной, проверяя, спущены ли шторы, и только тогда зажег небольшую лампу на колченогом столе. Когда по серым

стенам пополз свет, Джеспер удовлетворительно кивнул. Все было так, как он оставил, когда был здесь в последний раз.

Комнату заполнял затхлый запах старого зеленого репса, которым была обита мебель, и книг в кожаных переплетах. Здесь уже давно не убирали. Толстый слой пыли покрывал красный бархат кресел, жесткую кушетку, белый холодный мрамор камина и огромный книжный шкаф со стеклянными дверцами, который занимал целую стену.

Эта обстановка не вязалась с таким деловым, энергичным человеком, как Джеспер Холт. Но она его, видимо, не смущала. Он быстро развернул книги и конфетные коробки, похожие на книги. Одну бумажную обертку он положил на стол и разгладил. На нее он высыпал конфеты из обеих коробок. Другую обертку вместе с бечевкой он бросил в камин и тотчас сжег. Затем он подошел к книжному шкафу, отпер одну из дверец и поставил на нижнюю полку и настоящие и поддельные книги. Эту полку занимали дешевые романы, и пять из них были такими же конфетными коробками, как те, которые он сейчас принес.

Только одна полка в шкафу была отведена столь легкомысленной литературе, как романы. На остальных унылыми рядами тянулись мрачные книги с пожелтевшими страницами и черными переплетами — жизнеописания, труды по истории и богословию,— словом, те книги, чья добродетель почтенна и в рубище и любую из которых можно купить у букиниста за пятнадцать центов. Несколько минут Джеспер внимательно их рассматривал, словно старался запомнить названия.

Он взял «Жизнеописание преподобного Иеремии Бодфиша» и прочел вслух:

— «Во время этих задушевных бесед в кругу семьи, происходивших после вечерней молитвы, я слышал однажды, как брат Бодфиш сказал, что Филон Иудей, ученая карьера которого всегда напоминает мне рассуждение Меланхтона о сущности рационализма, был всего лишь софистом»...

Джеспер захлопнул книгу.

— Подойдет,— сказал он удовлетворенно.— Филон Иудей — хорошее имя для начала.

Он запер шкаф и поднялся на второй этаж. В маленькой спальне, расположенной с правой стороны верхнего коридора, горела электрическая лампочка. До прихода Джеспера дом был пуст, но всякий, забравшийся во двор, решил бы при виде этого негаснущего света, что тут кто-то живет. Спальня была меблирована по-спартански: железная кровать, стул с прямой спинкой, умывальник, тяжелый дубовый комод. Джеспер торопливо отпер нижний ящик комода, рывком выдвинул его, достал помятый лоснящийся черный костюм, черные ботинки, черный галстук «бабочкой», стоячий воротничок, белую сорочку с накрахмаленной манишкой, выгоревшую коричневую шляпу и парик — великолепный, дорогой парик — искусно сделанную копну рыжих с проседью волос.

Он снял свой элегантный костюм, мягкий воротничок, голубой галстук, сшитую на заказ шелковую сорочку, мягкие шевровые штиблеты и, быстро надев парик, облачился в приготовленный мрачный наряд. Пока он переодевался, углы его рта начали опускаться. Бросив свой костюм на кровати и не выключив света, он спустился по лестнице. Это был уже не тот человек, который недавно поднялся по ней. Чертами он напоминал Джеспера, но не казался уравновешенным, деловитым и симпатичным; на лице его лежала печать горьких раздумий. Короче говоря, это был уже не Джеспер Холт, а его брат-близнец, Джон Холт, отшельник и фанатик.

II

Джон Холт, брат-близнец Джеспера Холта, банковского кассира, протер глаза, словно он много часов просидел над книгами, и через гостиную, через маленькую прихожую медленно прошел к парадной двери. Он открыл ее, подобрал с полу два-три рекламных проспекта, которые почтальон сунул в щель для писем, вышел и запер за собой дверь. Перед Джоном был

узкий палисадник, менее запущенный, чем ивовая аллея позади дома, а за ним тянулась улица предместья, куда более оживленная, чем проулок с его редко разбросанными домами.

Уличный фонарь освещал двор, и было видно, что к двери прибита карточка. Джон потрогал карточку, потом подцепил ее ногтем мизинца, проверяя, прочно ли она прикреплена. При слабом свете он не мог разобрать текста, но он знал, что на карточке написано мелким кудрявым почерком:

«Просят не беспокоить, на звонок открывать не будут — хозяин дома занят литературной работой».

Джон стоял на крыльце, пока не увидел, что его сосед справа — крупный флегматичный служащий, гуляет у себя во дворе, покуривая послеобеденную сигару. Джон принялся бродить у ограды, нюхая веточку сирени; наконец сосед окликнул его:

— Прекрасный вечер!

— Да, кажется, приятный.

Голос Джона напоминал голос Джеспера, но был более гортанным, а кроме того, Джону не хватало уверенности Джеспера.

— Как подвигается книга?

— Такая... такая трудная задача. Очень сложно — разобраться в скрытом значении пророчеств... Ну, мне пора на собрание братства «Упование души». Надеюсь, мы увидим вас у себя как-нибудь вечером в среду или в воскресенье. Желаю вам спокойной ночи, сэр.

Неуверенной походкой Джон направился к аптеке. Он приобрел пузырек чернил. В бакалее, открытой по вечерам, он купил два фунта кукурузной крупы, два фунта муки, фунт ветчины, полфунта сливочного масла, шесть яиц и банку сгущенного молока.

— Прикажете доставить на дом? — спросил продавец.

Джон настороженно посмотрел на него. Сообразив, что это новый служащий, который не знает его привычек, он сердито сказал:

— Нет, я всегда беру покупки с собой. Я пишу книгу. Я не люблю, когда меня беспокоят.

Расплачиваясь за провизию, он протянул кассиру

почтовый перевод на тридцать пять долларов и получил сдачу. Кассир уже привык разменивать эти почтовые переводы, которые какой-то Р. Д. Смит присылал Джону из южной части Вернона. Джон взял сверток и вышел из магазина.

— Он полоумный, что ли? — спросил новый продавец.

— А как же,— ответил кассир.— Даже свежего молока не берет — одно сгущенное! Подумать только! И, говорят, сжигает весь свой мусор: кроме пепла, в мусорном ящике ничего не бывает. Если постучать к нему в дверь, никогда не ответит — я от одного приятеля слышал. Все время пишет эту свою книгу. Свихнулся на религии. Какие-то деньги у него есть — наверно, из богатой семьи. По вечерам иногда выходит из дому и бродит по городу. Мы сперва над ним смеялись, а теперь привыкли. Вот уже около года, как он здесь.

Джон невозмутимо шагал по главной улице Роузбэнка. В конце ее, где стояли довольно грязные домишки, он свернул в подъезд, над которым освещенная вывеска возвещала выведенными от руки буквами: «Дом братства «Упование души». Духовная беседа. Вход открыт для всех».

Было восемь часов. Члены секты «Упование души» собрались в своей зале над булочной. Секта эта была немногочисленна и очень ортодоксальна. Ее последователи утверждали, что только они одни следуют во всем догматам священного писания; что только они одни спасутся, что все остальные христианские церкви отступили от апостольской простоты и прокляты навеки; что смертный грех иметь священника, слушать органную музыку и молиться где-нибудь, кроме простой комнаты. На их молитвенных собраниях члены секты по очереди поднимались на кафедру, чтобы дать истолкование какому-нибудь тексту священного писания или просто «возрадоваться духом» вместе с «братьями», а остальные поддерживали говорившего, провозглашая: «Аллилуйя!» и «Аминь, брат, аминь!» Это были люди просто одетые и не слишком упитанные, все уже пожилые и довольные собой. Самым почитаемым среди них был Джон Холт.

Джон появился в Роузбэнке всего полгода назад. Он купил дом Бродетта вместе с библиотекой прежнего хозяина, ушедшего на покой священника, и заплатил новыми стодолларовыми бумажками. Он уже успел приобрести глубокое уважение членов секты «Упование души». Они знали, что он почти не выходит из дома, отдавая все свое время чтению, молитвам и работе над книгой. Братство «Упование души» очень интересовалось этой книгой. Брата Джона неотступно просили прочесть ее с кафедры. Но пока он прочел им всего несколько страниц, содержавших в основном цитаты, взятые из старых трактатов о пророчествах библии и евангелия. Почти каждое воскресенье и среду он появлялся на собраниях и, запинаясь, но очень учено, повествовал о мирском и о плотском.

Сегодня он многословно доказывал, что некий Филон Иудей был всего лишь софист. Члены секты не знали, ни кто такой Филон Иудей, ни что такое софист, но они дружно кивали головами и бормотали:

— Верно, брат, верно! Аллилуйя!

Затем Джон повел речь о своем суетном брате Джеспере и печальным, дрожащим голосом рассказал им, как борется с духом алчности, владеющим Джеспером. По его просьбе присутствующие помолились за Джеспера.

Духовная беседа окончилась в девять вечера. Джон пожимал руки старшинам секты, вздыхая:

— Сегодня наше собрание прошло очень удачно — такое свободное излияние духа!

Он приветствовал новую сестру — служанку, которая только что приехала из Сиэтла. В семь минут десятого он вышел из залы собрания и спустился по лестнице, унося свои припасы и пузырек чернил.

В шестнадцать минут десятого Джон у себя в спальне уже снимал свое траурное одеяние и парик. В двадцать восемь минут десятого Джон Холт снова стал Джеспером Холтом, образцовым кассиром Национального лесного банка.

Джеспер Холт не погасил лампу в спальне своего брата. Он сбежал по лестнице, попробовал, крепко ли заперта парадная дверь, задвинул засов, проверил,

заперты ли окна, взял сверток с провизией и конфеты, которые он высыпал из коробок, похожих на книги, погасил свет в гостиной и торопливо зашагал по ивовой аллее к своему автомобилю. Швырнув свертки в машину, он вывел ее задним ходом из сарая, развернул, привычно огибая кучи хвороста, и понесся по пустынному проулку.

Проезжая мимо болотца, он потянулся за свертком с конфетами и, держа одну руку на руле, другой снял обертку и выбросил конфеты за окно. Они дождем посыпались в придорожный бурьян. Бумагу с рекламой кондитерской «Парфенон», в которую были завернуты конфеты, Джеспер сунул в карман. Затем из пакета, с напечатанным на нем адресом магазина, он вынул по очереди все продукты и положил их рядом с собой на сиденье, а пакет тоже сунул в карман.

По дороге из Роузбэнка к центру Вернона он снова свернул с главной улицы и остановился перед лачугой, вокруг которой бродило множество коз. Тут жил старый калека-норвежец. Холт нажал на клаксон. На звук гудка выбежал внук норвежца.

— Привез вам кое-что поесть,— гаркнул Джеспер.

— Да благословит вас бог, сэр. Не знаю, что бы с нами было, если бы не вы! — откликнулся старик с порога.

Но Джеспер не стал выслушивать благодарности. Он только крикнул:

— Денька через два завезу еще! — и поехал дальше.

В четверть одиннадцатого он остановился у здания, где помещался Городской театр — последнее увлечение вернонского избранного общества. В лиге Городского театра состоял весь «свет» Вернона, а возглавляла ее дочь директора железной дороги. Джеспер Холт был холост, хорошо воспитан, и поэтому его принимали в этих кругах, хотя о нем было известно лишь, что он служит кассиром в банке и родился в Англии. Но особенно его ценили как актера: он был лучшим актером-любителем в Верноне. Его обычно спокойное лицо неожиданно становилось худым в трагедии и казалось толстощеким в комедии; под невозмутимостью его

манер таился вулкан эмоций. В отличие от большинства любителей он не пытался «играть» — он перевоплощался в свою роль. Джеспер Холт исчезал, а вместо него появлялся бродяга или судья, мысль Бернарда Шоу, символ лорда Дансэни[1], радикал Сусанны Глэспел, прожигатель жизни Клайда Фича[2].

Другие одноактные пьесы готовящейся программы Городского театра были уже прорепетированы. Все участники пьесы, в которой Джеспер играл главную роль, ждали только его. Ждали его и измученные заботами дамы, на которых лежала ответственность за постановку. Они хотели посоветоваться с ним о голубой занавеске для окна на сцене, об испортившемся софите, о более возвышенной трактовке роли пажа,— роли, занимавшей всего две строчки, но которую предстояло играть одной из самых популярных молодых любительниц. После обсуждения и бурной ссоры между двумя членами постановочной группы началась репетиция. Джеспер Холт был одет все в тот же серый костюм с увядшей гвоздикой в петлице, но он уже не был Джеспером Холтом, он был герцогом де Сан-Саба, изящным, циничным, величавым стариком, с непринужденными манерами, спокойным голосом и низменными страстями.

— Эх, будь у меня еще несколько таких актеров, как вы! — воскликнул режиссер-профессионал.

Репетиция закончилась в половине двенадцатого. Джеспер отвел свою машину в гараж, а сам пешком отправился домой. Войдя к себе в комнату, он разорвал и сжег бумагу с рекламой кондитерской «Парфенон», а также пакет с адресом магазина, где он покупал продукты.

Спектакль Городского театра состоялся в следующую среду. Джесперу Холту аплодировали без конца, а после спектакля на вечере в клубе «Лэйксайд Кантри» он танцевал с самыми красивыми девушками города.

---

[1] Лорд Дансэни (р. 1878) — ирландский писатель и драматург.

[2] Глэспел Сусанна (1882—1948) и Фич Клайд (1865—1909) — американские драматурги.

Он мало говорил с ними, но танцевал с большим пылом, окруженный ореолом артистической славы.

В тот вечер его брат Джон не появился на собрании братства «Упование души» в Роузбэнке.

В понедельник, пять дней спустя, во время совещания с директором и бухгалтером Национального лесного банка, Джеспер пожаловался на головную боль. На другой день он позвонил директору и сообщил, что не приедет на службу,— он побудет дома, даст отдохнуть глазам и отоспится, чтобы избавиться от головной боли, что было весьма некстати, так как именно в этот день его брат-близнец Джон совершил одну из своих редких поездок в Вернон и зашел в банк.

Директор видел Джона раньше только один раз и по странному совпадению тоже в отсутствие Джеспера — того не было в городе. Директор пригласил Джона в свой кабинет.

— Ваш брат дома — у бедняги страшная головная боль. Надеюсь, он скоро поправится. Мы весьма его ценим. Вы должны гордиться таким братом. Хотите сигару?

Разговаривая, директор внимательно рассматривал Джона. Раза два, когда они вместе завтракали, Джеспер рассказывал, как удивительно он похож на своего брата-близнеца. Но директор решил, что никакого особенного сходства не заметно. Черты обоих братьев были одинаковы, но выражение хронической духовной диспепсии на лице Джона, его угрюмость, его волосы, всклокоченные и тускло-рыжие, столь не похожие на черные волосы Джеспера, всегда гладко зачесанные на блестящую лысину, вызывали неприязнь директора, столь же глубокую, как та симпатия, которую он чувствовал к Джесперу.

— Благодарю вас, я не курю,— ответил Джон.— Не понимаю, как может человек осквернять свой храм наркотиками. Я полагаю, что мне следовало бы радоваться, слыша, как вы хвалите Джеспера, но меня гораздо больше заботит отсутствие у него уважения к проблемам духа. Иногда он приезжает ко мне в Роузбэнк, и я спорю с ним, но почему-то никак не могу

объяснить ему его заблуждение. А его легкомысленность!..

— Мы не считаем его легкомысленным. Мы считаем его очень добросовестным работником.

— Но ведь он выступает на сцене! И читает романы! Конечно, я помню заповедь «Не судите, да не судимы будете», но мне больно, что мой родной брат жертвует бессмертием души ради земных утех... Ну что же, пойду к нему. Надеюсь, придет день, и мы увидим вас на собрании нашего братства «Упование души» в Роузбэнке... До свидания, сэр.

Принимаясь за прерванную работу, директор пробормотал:

— Завтра же скажу Джесперу, что лучшим комплиментом для него служит то, что он непохож на своего брата.

На следующий день, в среду, когда Джеспер снова появился в банке, директор не замедлил высказать ему эту шутку. Джеспер вздохнул:

— Джон в душе неплохой человек, но он столько занимался метафизикой, мистикой Востока и бог знает чем еще, что теперь словно заблудился в тумане. Но он гораздо лучше меня. Когда я убью хозяйку моего пансиона или, скажем, ограблю наш банк, шеф,— идите к Джону. Держу пари на обед в лучшем ресторане, что он сделает все, чтобы я не ушел от рук правосудия! Честности у него хоть отбавляй!

— Даже через край льется. Хорошо, Джеспер, когда вы ограбите наш банк, я обращусь к Джону. Но постарайтесь отложить ограбление. Мне не хочется иметь дело с сыщиком-фанатиком в крахмальной рубашке!

Оба рассмеялись, и Джеспер прошел к себе в кабинку. Он признался, что голова у него еще не прошла. Директор посоветовал ему недельку отдохнуть. Джеспер сказал, что не хочет. Из-за войны в Европе военная промышленность выросла и увеличилось число заводских платежных ведомостей, которыми занимался Джеспер.

— Лучше отдохнуть неделю, чем разболеться,— доказывал директор в конце дня.

Наконец Джеспер позволил уговорить себя. Он решил в конце недели взять отпуск дня на два. Он сказал, что в следующую пятницу поедет на север к озеру Уокамин ловить окуней и вернется в понедельник или во вторник. Перед отъездом он подготовит деньги для субботних платежей и передаст их другому кассиру. Директор поблагодарил его за такую преданность делу и, как это нередко бывало раньше, пригласил к себе на четверг.

В эту среду вечером брат Джеспера Джон снова присутствовал на собрании секты «Упование души» в Роузбэнке. Когда он вернулся домой и, словно по волшебству, превратился в Джеспера, этот Джеспер не положил парик и костюм Джона в комод, как обычно, а сунул их в чемодан, чемодан увез с собой в Вернон и запер в своем гардеробе.

Обедая у директора в четверг, Джеспер был очень мил, но говорил мало и, так как голова у него все еще болела, распрощался с хозяином рано — в половине десятого. Он медленно шел от дома директора по фешенебельному бульвару к центру Вернона, держа в руке серые шелковые перчатки и величественно помахивая тростью. Он вошел в гараж, где стояла его машина.

— Что-то голова разболелась,— сказал он ночному дежурному.— Хочу проехаться немного и подышать свежим воздухом.

Взяв направление на юг, он сначала вел машину со скоростью, не превышавшей пятнадцати миль в час. Но, выехав из города, он увеличил скорость до двадцати пяти миль. Он застыл за рулем в неподвижной позе человека, отправляющегося в дальний путь: он не шевелился, если не считать чуть заметного движения ноги на акселераторе и рук на руле,— правая рука лежала поперек рулевого колеса, левый локоть опирался на мягкий край сиденья, а левая кисть чуть касалась руля.

В южном направлении он проехал пятнадцать миль — почти до городка Уонагучи. Затем по плохой проселочной дороге он круто свернул на северо-запад и, описав огромную дугу вокруг города, направился к городку Сент-Клер. Предместье Роузбэнк, где жил его брат Джон, было расположено в северной части

Вернона. Уонагучи находился в восемнадцати милях к югу от Вернона; Роузбэнк, наоборот, в восьми милях к северу, а Сент-Клер — в двадцати милях к северу, почти столько же на север от Вернона, сколько Уонагучи — на юг: это расположение имело для Джеспера важное значение.

По дороге в Сент-Клер, находясь всего в двух милях от Роузбэнка, Джеспер свернул с шоссе, направил машину к роще из дубов и кленов и остановился на лесной, давно заброшенной дороге.

Он вылез из машины, разминая затекшие ноги, и прошел лесом вверх по склону холма, к крутому обрыву над болотистым озером. Каменистый обрыв отвесно поднимался над водой. При бледном свете звезд Джеспер разглядел заросшее тростником озеро. Оно было такое тинистое и грязное, что в нем никто не купался. А так как единственными его обитателями были покрытые слизью голавли, то редко кто пытался ловить здесь рыбу. Джеспер размышлял. Он припоминал рассказ о том, как лошади одного фермера вдруг понесли, свалились с этого обрыва и бесследно исчезли на дне топи.

Прибивая тростью траву, Джеспер проложил примерную дорогу от вершины обрыва до того укромного уголка, где стоял его автомобиль. В одном месте большим складным ножом он срезал куст орешника, росший на пути. Доведя дорогу до самого автомобиля, он улыбнулся. Затем он прошел на опушку и оглядел шоссе. Приближалась какая-то машина. Джеспер подождал, пока она не проехала, затем бегом пустился к автомобилю, задним ходом выехал на шоссе и продолжал свой путь на север, к Сент-Клеру, со скоростью около тридцати миль в час.

На окраине Сент-Клера он остановился, достал ящик с инструментами, отвинтил свечу и начал бить ею по картеру, пока не треснул фарфоровый изолятор. Затем, ввинтив свечу на место, он завел мотор. Машина пыхтела и фыркала,— один из цилиндров не работал, так как в свече произошло замыкание.

— Наверное, что-то неладно с зажиганием,— сказал Джеспер весело.

Он кое-как добрался до одного из гаражей Сент-Клера. Там никого не было, кроме старого негра, ночного рабочего, который с губкой и шлангом в руках мыл лимузин.

— Есть тут у вас дежурный механик? — спросил Джеспер.

— Нет, сэр. Видно, придется вам оставить машину до утра.

— Черт побери! Что-то случилось с карбюратором или с зажиганием. Ну что ж, придется оставить машину. Передайте ему... вы будете здесь утром, когда придет механик?

— Да, сэр.

— Передайте ему, что машина нужна мне завтра к полудню. Нет, завтра к девяти утра. Только не забудьте. Возьмите,— это поможет вам запомнить.

Он протянул негру двадцать пять центов. Тот ухмыльнулся и крикнул:

— Да, сэр, это здорово поможет мне запомнить.

Привязывая к машине гаражный номерок, старик спросил:

— Фамилия?

— Фамилия? Хенсон. Не забудьте же,— завтра к девяти утра.

Джеспер пешком отправился на вокзал. Было без десяти минут час. Джеспер не стал спрашивать у дежурного по станции о ближайшем поезде на Вернон. Видимо, он знал, что этот поезд останавливается в Сент-Клере в час тридцать семь ночи. Он не стал заходить в зал ожидания и пристроился в темноте на тележке, позади камеры хранения. Когда подошел поезд, он проскользнул в задний вагон, занял место в дальнем углу и, надвинув шляпу на глаза, все дорогу не то спал, не то притворялся, что спит.

Сойдя с поезда в Верноне, он не пошел прямо домой, а свернул к гаражу, где держал свою машину. Он вошел в гараж. Ночной дежурный дремал на деревянном стуле, откинувшись вместе с ним к стене узкого прохода, который вел в гараж. Джеспер весело окликнул дежурного:

— Вот не повезло мне! Что-то случилось с зажига-

нием,— так, во всяком случае, мне кажется. Пришлось оставить машину в Уонагучи.

— Не повезло, что и говорить! — согласился дежурный.

— Еще бы! Так вот и оставил машину в Уонагучи,— подчеркнул Джеспер, уходя.

Он был не точен. Машину он оставил не в Уонагучи, расположенном к югу от Вернона, а в Сент-Клере, на севере.

Он вернулся в пансион, прекрасно выспался и, принимая утром душ, весело мурлыкал себе под нос. Однако за завтраком он пожаловался хозяйке на непрекращающуюся головную боль и сообщил, что собирается прокатиться на север, в Уокамин. Там он посидит с удочкой и даст отдых глазам. Хозяйка настойчиво рекомендовала ему не откладывать поездки.

— Может быть, помочь вам собраться? — спросила она.

— Нет, благодарю вас. Я беру с собой только два чемодана с кое-какой старой одеждой и рыболовными принадлежностями. У меня все уже уложено. Уеду, вероятно, с двенадцатичасовым поездом, если успею освободиться. В банке сейчас уйма работы с подготовкой платежей по заводам, которые выполняют заказы союзников. Ну-ка, что сегодня в газетах?

В банк Джеспер прибыл с двумя чемоданами и изящным, аккуратно сложенным шелковым зонтиком, на серебряном набалдашнике которого было выгравировано его имя. Швейцар банка, он же и сторож, помог ему внести чемоданы.

— Поосторожнее с этим чемоданом. В нем мои рыболовные принадлежности,— сказал Джеспер швейцару, указывая на один из чемоданов, который был довольно тяжел, но явно не полон.— Думаю сегодня проехаться на озеро Уокамин, половить окуней.

— Завидую вам, сэр. А как ваша голова сегодня? Все еще болит? — спросил швейцар.

— Немного лучше, но с глазами по-прежнему плохо. Должно быть, я их сильно натрудил. Послушайте, Коннерс, я попробую уехать с поездом одиннадцать семь. Пожалуй, вызовите мне такси к одиннадцати. Или нет,

я потом вам скажу, перед одиннадцатью. Постараюсь попасть на одиннадцать семь.

— Слушаю, сэр.

Директор, главный бухгалтер, младший кассир — все интересовались самочувствием Джеспера, и всем им он повторял одно и то же: он переутомил глаза и думает съездить на Уокамин отдохнуть и половить рыбу.

Другой кассир, сидевший в соседней кабинке, весело крикнул Джесперу через стальную сетку:

— Везет же людям! Вот погодите! Летом я подцеплю сенную лихорадку и уеду удить рыбу на целый месяц!

Оба чемодана и зонтик Джеспер положил в своей кабинке и, предоставив другому кассиру обслуживать клиентов, начал готовить деньги для платежей, предстоявших завтра — в субботу. Он, как обычно, прошел в подвал, узкую, невзрачную, душную комнату с полом, покрытым линолеумом, освещаемую единственной электрической лампочкой без абажура. Заднюю стену этой комнаты составляли стальные дверцы сейфов, выкрашенные в тусклый синий цвет и не производившие внушительного впечатления, хотя за ними хранились миллионы долларов наличными и в ценных бумагах. Каждая дверца верхнего ряда, подвешенная на толстых стальных петлях, имела два циферблата, и открыть такой сейф могли только два старших служащих банка, каждому из которых была известна комбинация только для одного циферблата. Ниже тянулись дверцы поменьше; шифр одной из них знал кассир Джеспер Холт. Это была дверца небольшого стального ящика, в котором находилось сто семнадцать тысяч долларов кредитными билетами и четыре тысячи долларов в золотой и серебряной монете.

Джеспер сновал взад и вперед, перетаскивая большие пачки денег. Когда он работал в своей кабинке, от соседнего кассира его отделяло только пространство в три фута и стальная сетка.

Работая, он изредка перебрасывался с соседом одним-двумя словами.

— Большие платежи на этой неделе вагоностроительному заводу Хеншеля. Они, я слышал, поставляют

союзникам орудийные лафеты и кузовы для грузовиков,— сказал он, отсчитывая девятнадцать тысяч долларов.

— Угу,— отозвался сосед безо всякого интереса.

С механической четкостью Джеспер занимался своим обычным делом, отсчитывая суммы согласно напечатанной на машинке платежной ведомости. Его глаза, казалось, ни на минуту не отрывались от банкнот и лежавшей перед ним ведомости. Пачки кредитных билетов он перехватывал бумажной лентой. Каждую пачку он, казалось, бросал в черную кожаную сумку, стоявшую рядом. Но на самом деле деньги, предназначенные для данного клиента, не попадали в нее.

Оба чемодана, лежавшие рядом, были закрыты и производили впечатление запертых, но один из них заперт не был. В этом тяжелом чемодане лежал только кусок чугуна. Время от времени рука Джеспера, сжимавшая пачку, опускалась. Легким движением ноги кассир приоткрывал чемодан и ронял туда деньги.

Нижняя часть кабинки была сделана из листовой стали, и находившиеся в зале банка не могли увидеть это подозрительное движение. Соседний кассир мог бы его заметить, но Джеспер опускал деньги в чемодан только тогда, когда тот отворачивался или разговаривал с клиентом. Выжидая удобный момент, Джеспер часто по два раза пересчитывал пачки и тер глаза, как будто они болели.

Распорядившись по-своему с пачками банкнот, Джеспер, поглядывая в ведомости, принимался укладывать в сумку серебро. Он разговаривал с другим кассиром именно в те минуты, когда бросал в сумки обернутые синей бумагой стопки монет. Затем он запирал сумку и с серьезным видом отставлял ее в сторону.

Джеспер так медленно отсчитывал деньги для уплаты по ведомостям, что закончил работу только без пяти минут одиннадцать. Он подозвал к кабинке швейцара и сказал:

— Вызывайте такси, мне пора.

Ему оставалась последняя сумка. Он быстро бросал в нее деньги, давая последние распоряжения младшему кассиру:

— Я сложу все сумки в моем сейфе, а вы можете переложить их в свой потом. Не забудьте запереть мой сейф. Черт возьми, надо спешить, или я опоздаю на поезд! Вернусь самое позднее во вторник утром. До свидания! Все оставляю на вас.

Он поспешно снес сумки с деньгами в подвал и засунул их в свой сейф, который они почти целиком заполнили. И во всех этих сумках, за исключением последней, не было ничего, кроме нескольких стопок обернутых в синюю бумагу монет. Хотя он просил другого кассира запереть сейф, Джеспер сам повернул циферблат,— большая рассеянность с его стороны, так как младшему кассиру, чтобы открыть сейф, предстояло теперь обратиться к помощи директора.

Он взял зонтик и оба чемодана, наклонившись над одним из них не больше, чем на десять секунд. Помахав рукой служащему, сидевшему за столом в зале, он так быстро устремился к выходу, что швейцар не успел даже помочь ему поднести чемоданы. Выбежав из подъезда, он вскочил в ожидавшее такси, и громко, чтобы расслышал швейцар, сказал шоферу:

— Северный вокзал!

На вокзале, не отдавая чемоданов носильщикам, предлагавшим свои услуги, он купил билет до Уокамина, курортного городка, расположенного на озере в ста сорока милях к северо-западу от Вернона и, следовательно, в ста двадцати милях от Сент-Клера. Он только-только успел на поезд одиннадцать семь. Он не стал покупать билета первого класса, а устроился в вагоне третьего класса рядом с дверью. Взяв зонтик, он отвинтил серебряный набалдашник, на котором было выгравировано его имя, и сунул его в карман.

Когда поезд остановился в Сент-Клере, Джеспер вышел в тамбур, захватив с собой оба чемодана, но оставив в вагоне зонтик без набалдашника. Лицо у него было спокойное и равнодушное. Когда поезд тронулся, он спрыгнул на платформу и невозмутимо направился в город. На одну секунду его лицо вспыхнуло азартом игрока, но тут же снова утратило всякое выражение.

В гараже, где он накануне оставил свой автомобиль, он спросил механика:

— Моя машина готова? Легковая, марки «Меркурий», неполадки с зажиганием.

— Нет! До нее две машины на очереди. За нее еще и не брались. К вечеру починим.

Джеспер раздраженно облизнул губы. Он поставил чемоданы на пол и задумался, теребя нижнюю губу.

— Ну что же, как-нибудь я ее заставлю двигаться... Извините за беспокойство... Ждать я не могу... тороплюсь дальше,— проворчал он.

— Теперь многие коммивояжеры разъезжают на собственных машинах, мистер Хенсон,— вежливо сказал механик, взглянув на гаражный номерок, висевший на автомобиле Джеспера.

— Да, машина дает мне больше возможностей, чем поезд.

Джеспер без возражений уплатил за то, что машина простояла в гараже ночь, хотя, поскольку ее не починили, брать с него плату было неправильно. Он сунул чемоданы в автомобиль и выехал из гаража. Мотор зафыркал. В другом гараже он купил новую свечу и ввинтил ее. Когда он поехал дальше, мотор больше не фыркал.

Из Сент-Клера он выехал по направлению к Верноны и Роузбэнку, где жил его брат. В двух милях от Роузбэнка он свернул в густую рощу из дуба и клена, где накануне наметил дорогу к обрыву, возвышающемуся над озером, заросшим тростником. Он выехал на полянку рядом с заброшенной лесной дорогой и остановил машину. Чемоданы он прикрыл ковриком. Из-под сиденья он достал куриные консервы, коробку печенья, жестянку с чаем, дорожный кухонный набор и спиртовку. Все это он расставил на траве — пикник на лоне природы.

Он просидел за едой с семи минут второго до сумерек. Иногда он делал вид, что ест. Он принес воды из ручья, приготовил чай, открыл коробку с печеньем и консервы. Но по большей части он сидел неподвижно, куря папиросу за папиросой.

За все это время мимо прошел только швед-огородник, кратчайшим путем возвращавшийся к себе на ферму. Поровнявшись с Джеспером, он буркнул:

— Пикник, а?

— Да. Решил отдохнуть денек,— вяло ответил Джеспер.

Фермер, не оглядываясь, пошел дальше.

Когда стемнело, Джеспер докурил папиросу до конца, затоптал окурок и сказал загадочно:

— Это, вероятно, последняя папироса Джеспера Холта. Я не думаю, что тебе можно курить, Джон,— черт бы тебя побрал!

Он спрятал чемоданы в кустах, сложил остатки еды в автомобиль, опустил верх и осторожно прокрался к проезжей дороге. Никого не было видно. Он вернулся. Из ящика с инструментами он выхватил молоток и зубило и несколькими яростными ударами так изуродовал заводской номер мотора, выбитый на картере, что его невозможно было разобрать. Он снял обе таблички с номером автомобиля и положил их рядом с чемоданами. Затем, когда мрак сгустился и кусты превратились в бесформенные массы, он запустил машину, проехал через лес, поднялся по склону и остановился у самого обрыва, не выключая мотора.

Между автомобилем и краем обрыва лежала довольно ровная стотридцатифутовая площадка, поросшая красным клевером. Джеспер измерил это пространство шагами, вернулся к машине, нервно и неуверенно сел за руль, отжал сцепление, включил вторую скорость и затем немедленно третью. Автомобиль рванулся к обрыву. В одно мгновение Джеспер очутился на подножке. Держа левую руку на руле, он вел машину прямо к обрыву, а правой отводил ручной регулятор дросселя все дальше, дальше, дальше. Он благополучно спрыгнул с подножки.

Автомобиль, предоставленный самому себе, с ревом несся вперед. Он сорвался с края обрыва; словно громоздкий самолет двадцать футов пролетел по воздуху и, с головокружительной высоты падая в озеро, несколько раз перевернулся. С грохотом взлетел столб воды, и сразу наступила тишина. В сумерках поверхность озера отливала молочным блеском. Автомобиль исчез бесследно. Круги уже больше не бежали по воде. Озеро лежало таинственное, зловещее и неподвижное.

— Уф! — воскликнул Джеспер, стоя на краю обрыва.— Теперь его хоть два года ищи!

Он вернулся к чемоданам. Присев на корточки, он достал из одного парик и черное одеяние Джона Холта. Он разделся, надел одежду Джона, а костюм Джеспера сунул в чемодан. С чемоданами и автомобильными номерами в руках он зашагал к Роузбэнку, почти до самого города пробираясь через кленовые и ивовые рощи. Он добрался до каменного дома в конце ивовой аллеи и проскользнул в заднюю дверь. Он сжег в камине одежду Джеспера Холта, расплавил в печке таблички с автомобильными номерами и тяжелым камнем расплющил дорогие часы и автоматическую ручку Джеспера, превратив их в неприглядные обломки, которые затем бросил в цистерну для дождевой воды. Он долго царапал зубилом по серебряному набалдашнику от зонтика, пока не стер выгравированное имя.

Он отпер дверцу книжного шкафа и, доставая из чемодана пачки однодолларовых, пятидолларовых, десятидолларовых и двадцатидолларовых бумажек, принялся укладывать их в пустые коробки из-под конфет, которые на полках шкафа были так похожи на книги. Перекладывая деньги, он их сосчитал — девяносто семь тысяч пятьсот тридцать пять долларов.

Оба чемодана были новые. У них еще не было никаких особых примет. Но он отнес их на кухню и швырял, тер ваксой, царапал их углы и резал бока до тех пор, пока они не приобрели такой вид, словно их не очень берегли во время многочисленных поездок. Затем он отнес их на чердак и швырнул в угол.

В спальне он начал спокойно раздеваться. Один раз он рассмеялся:

«Презираю этих самодовольных дураков — банковских служащих и полицию. Их дурацкий закон не настигнет меня. Никто меня не сможет схватить, если я сам себя не выдам».

Он лег в постель. Раздраженно воскликнул:

— Ах, черт! — и задумчиво продолжал: — Надо полагать, Джон молится, как бы холоден ни был пол.

Он встал и обратился ко всемогущему, чьи пути неисповедимы, с мольбою о прощении — не Джеспера

Холта, а всех заблудших, которые еще не приобщились к истинной вере братства «Упование души».

Затем он снова лег, быстро заснул и проспал до позднего утра, закинув руки за голову и улыбаясь.

Вот так Джеспер Холт, не испытав таинственных мук смерти, прекратил свое существование, а Джон Холт перестал быть призраком, являвшимся по вечерам в среду и в воскресенье, и сделался человеком, который живет двадцать четыре часа в сутки, семь суток в неделю.

III

Жители Роузбэнка привыкли, что на их улицах изредка появляется Джон Холт, чудак-отшельник, и они только посмеивались, когда вечером в субботу, на другой день после описанной выше пятницы, он вышел из ворот своего дома и побрел к магазинчику на Главной улице, торговавшему газетами и конвертами.

Он купил вечернюю газету и сказал продавцу:

— Будьте добры присылать мне каждое утро «Морнинг Геральд» — Хамберт авеню, двадцать семь.

— Я знаю. Только я думал, что вам не по нутру газеты и всякая такая дребедень,— сдерзил продавец.

— Вы так думали? Каждое утро «Геральд», пожалуйста; я уплачу за месяц вперед,— ответил Джон Холт и посмотрел прямо в глаза продавцу. Тот весь съежился.

На следующий день — в воскресенье — Джон присутствовал вечером на собрании братства «Упование души», а потом снова не показывался на улице двое с половиной суток.

До среды в газетах не появлялось никаких сообщений об исчезновении Джеспера Холта, а в среду красочное описание всего происшедшего с подробностями, характерными для маленького городка, заняло первую страницу под заголовком: «Старший кассир банка — любимец общества — бежит с кассой».

Газета писала, что вот уже пятый день, как исчез Джеспер Холт, и что правление банка, сперва заявившее, что все счета в полном порядке, вынуждено теперь

признать недостачу в сто тысяч долларов — в двести тысяч долларов по другим сведениям. В пятницу Джеспер Холт купил железнодорожный билет до Уокамина (в пределах штата), в поезде его видел кондуктор, клиент банка, но, судя по всему, он сошел, не доезжая Уокамина.

Какая-то женщина заявила, что в пятницу днем видела Холта в автомобиле между Верноном и Сент-Клером. Однако его появление около Сент-Клера можно считать попыткой запутать следы. Наоборот, наш даровитый начальник полиции имеет все основания полагать, что Холт направился не на север к Сент-Клеру, а на юг, через Уонагучи, вероятно в Де-Мойн или в Сент-Луис. Точно известно, что накануне Холт оставил свой автомобиль в Уонагучи, и полиция со свойственной ей быстротой и тщательностью ведет поиски в Уонагучи. Начальник полиции связался со своими коллегами в городах, расположенных южнее, и можно с уверенностью сказать, что преступник будет пойман в ближайшее время. Пока полицией будет руководить начальник, назначенный нашим популярным мэром, все преступники, даже потенциальные, могут рассчитывать на возмездие.

На вопрос, как он относится к предположению, что преступник бежал на север, начальник полиции заявил, что Холт, разумеется, первоначально избрал это направление в тщетной надежде сбить с толку своих преследователей, но что он затем повернул на юг, где у него был спрятан автомобиль. Ничего не утверждая прямо, начальник полиции дал понять, что сообщник Холта, прятавший его машину в Уонагучи, будет скоро арестован.

На вопрос, считает ли он Холта сумасшедшим, начальник, смеясь, ответил:

— Конечно, он помешан — на двухстах тысячах! Я ни на что не намекаю, хотя среди наших достопочтенных политических противников нашлось бы немало желающих помешаться и на гораздо меньшей сумме.

Директор банка, с другой стороны, был очень расстроен и выразил твердое убеждение, что Джеспер Холт, принятый в лучших домах Вернона, пользовавшийся прекрасной репутацией в местных театральных

кругах и очень ценимый правлением банка, временно лишился рассудка,— последнее время его мучили сильные головные боли. Тем временем страховая компания, в которой банк был застрахован на сумму в двести тысяч долларов от растрат и хищений, предложила полиции помощь своих сыщиков.

Как только Джон прочел газету, он немедленно отправился на трамвае в Вернон и явился к директору банка. Его лицо осунулось от горя и стыда. Директор принял Джона. Он вошел, шатаясь, в кабинет и простонал:

— Я только что узнал из газет об ужасном поступке моего брата. Я пришел...

— Мы надеемся, что все объясняется временной потерей памяти. Мы уверены, что он вернется,— не сдавался директор.

— Если бы я мог этому поверить! Но, как я уже говорил вам, Джеспер дурной человек. Он пьет, курит, выступает на подмостках, сотворил себе кумир — модные одежды...

— Боже мой, но это еще не причина, чтобы считать его растратчиком!

— Я от души надеюсь, что вы окажетесь правы. А пока я хотел бы помогать вам, насколько это в моих силах. Моей священной обязанностью будет способствовать тому, чтобы мой брат, если виновность его будет доказана, получил должное возмездие.

— Очень любезно с вашей стороны,— пробормотал директор. Несмотря на такой пример высокой принципиальности Джона, он не мог побороть в себе чувства неприязни к этому человеку. Тупая физиономия Джона близко придвинулась к его лицу.

Директор отодвинул свое кресло и сказал злобно:

— Между прочим, мы собираемся произвести обыск в вашем доме. Если не ошибаюсь, вы живете в Роузбэнке?

— Да. И, разумеется, я буду рад, если вы обыщете в моем доме все уголки. Или вообще быть вам полезным. Я чувствую, что я делю с моим братом-близнецом ответственность за этот тяжкий грех. Я немедленно вручу вам ключ от моего дома. И не забудьте сарая, где

Джеспер оставлял свой автомобиль, когда навещал меня.

Он вынул из кармана большой старинный ключ, покрытый ржавчиной, и протянул его директору со словами:

— Мой адрес: Роузбэнк, Хамберт авеню, двадцать семь.

— Это вряд ли будет необходимо,— несколько пристыженно сказал директор, раздраженно отстраняя его руку.

— Но я хочу как-то помочь! Что я еще могу сделать? Какому сыщику, выражаясь языком газет, поручено это дело? Я окажу ему всяческое содействие...

— Вот что: идите в «Коммерческую кредитно-страховую компанию» к мистеру Скэндлингу и расскажите ему все, что вам известно.

— Я так и поступлю. Я принимаю на свои плечи преступление моего брата — иначе я уподобился бы Каину. Вы даете мне возможность искупить наш общий грех, а возможность искупления, как говаривал брат Иеремия Бодфиш,— блаженство, сколь тяжким ни казалось бы человеку в его слабости наказание. Я, как, возможно, я вам уже говорил, член братства «Упование души», и, хотя нам чужды ханжество и догматизм, мы твердо верим...

И Джон Холт разразился десятиминутной томительной проповедью; он цитировал давно забытые книги и нелепых узколобых сектантов; из горькой гордости и неуклюжего мистицизма он плел свою липкую паутину фанатизма. Директор был верующим человеком, охотно жертвовал в фонд различных миссий, в течение сорока лет регулярно посещал церковь святого Симеона, но, пока Джон говорил, им овладевала то мертвящая скука, то гнев против этого самодовольного святоши.

Довольно грубо выпроводив Джона Холта, он пожаловался вслух:

— Черт побери! Хоть и не следовало бы этого говорить, но я предпочитаю грешного Джеспера святому Джону. Фу! От этого типа несет сырым подвалом. Наверное, все свободное время сидит там и перебирает картошку! Черт возьми, а ведь Джеспер как-то имел

наглость посоветовать мне обратиться к Джону, если он когда-нибудь ограбит наш банк. Теперь я знаю, зачем он это советовал! Джон как раз такой самодовольный дурак, который может запутать самое систематическое следствие. Нет, Джеспер, извините, связываться с Джоном добровольно я не стану!

Джон пошел в «Коммерческую кредитно-страховую компанию», нашел мистера Скэндлинга и принялся изводить его подробным и бесполезным описанием ранней юности Джеспера и его нынешних пороков. Мистер Скэндлинг сплавил его сыщику компании, которому было поручено дело Джеспера. Сыщик был человек прозаический и разговорчивый,— Джон показался ему невыносимым. Джон требовал, чтобы сыщик отправился с ним в Роузбэнк обыскивать его дом. Сыщик сдался, но обыскивал дом кое-как, стараясь скорее удрать, Джон целых пять минут показывал ему сарай, где Джеспер иногда оставлял свой автомобиль.

Он попытался также вызвать у сыщика интерес к своим драгоценным, хотя и растрепанным книгам. Он отпер дверцу одной из секций шкафа, вытащил четырехтомный комплект проповедей и начал читать вслух.

Сыщик прервал его:

— Все это, конечно, очень интересно, но ведь за этими книжками мы вашего брата не найдем!

Сыщику, наконец, удалось вырваться, но только после того, как он неоднократно заверил Джона, что если потребуется его помощь, ему немедленно сообщат.

— Если бы только я мог искупить...

— Именно, именно! — возопил сыщик, чуть ли не бегом устремляясь к воротам.

В этот день Джон еще раз посетил Вернон. Он отправился к начальнику городской полиции и сообщил ему, что сыщик компании обыскал его дом, но, может быть, и полиция тоже будет столь добра, что произведет у него обыск? Он хотел бы искупить грех...

Начальник полиции похлопал Джона по спине, посоветовал ему поменьше терзаться из-за преступления брата и попросил:

— Ну, а теперь идите,— я очень занят!

Когда вечером Джон шел на собрание братства «Упование души», десятки людей шептали друг другу, что его брат ограбил Национальный лесной банк. Джон шел, согбенный позором. В зале, взойдя на кафедру, он взял на себя грех Джеспера и в горячей молитве просил бога, чтобы Джеспер был схвачен и понес наказание, являющееся благословенным искуплением. Слушатели умоляли Джона не считать себя виновным: разве он не принадлежит к братству «Упование души», к избранным, к единственным, кто будет спасен среди этого погрязшего в грехах и пороках поколения?

В четверг, утром в субботу, во вторник и в пятницу Джон ездил в город к директору банка и к сыщику. Директор дважды принимал его и невыносимо скучал, слушая его проповеди. На третий раз он велел передать Джону, что его нет. На четвертый он принял Джона, но резко заявил ему, что если он действительно хочет помочь им, то пусть ни во что не вмешивается.

Сыщик все четыре раза «отсутствовал».

Кротко улыбнувшись, Джон перестал предлагать им свои услуги. Коробки из-под конфет на нижней полке книжного шкафа уже покрылись пылью, все, кроме одной, которую он время от времени вынимал. Всякий раз после этого рыжий с проседью человек, в помятом черном сюртуке, подписывавшийся «Р. Д. Смит», посылал денежный перевод из почтовой конторы в южной части Вернона Джону Холту в Роузбэнк, что он делал уже на протяжении шести месяцев. Сумма переводов не превышала двадцати пяти долларов в неделю, но такому аскету, как Джон Холт, и этого было много. Деньги по переводам Джон получал иногда на почте в Роузбэнке, но чаще он разменивал их в своем любимом бакалейном магазине, когда выходил на вечернюю прогулку.

В разговорах с соседом справа, который каждый вечер гулял у себя во дворе с послеобеденной сигарой, Джон откровенно рассказывал о злосчастной растрате своего брата. Он боится, добавлял он, что, погрузившись в свои занятия, он уделял брату слишком мало внимания. Сосед важно посоветовал ему почаще выходить на воздух. Джон позволил убедить себя — по крайней мере он начал гулять после обеда и его рабочее

уединение теперь нарушалось доставкой молока, мяса и бакалейных товаров прямо на дом. Он отправился также в общественную библиотеку и в справочном отделе просмотрел несколько книг о Центральной и Южной Америке, как будто собираясь когда-нибудь поехать на юг.

Но он по-прежнему занимался своими богословскими исследованиями. Сомнительно, чтобы до дня растраты Джон очень уж прилежно работал над своей книгой об откровении. То, что он показывал до тех пор, представляло собой беспорядочный набор цитат из церковных авторов. Судя по всему, потрясение, которое он испытал в связи с преступлением брата, заставило его заниматься более усердно, писать более систематически. В течение года после исчезновения брата — года, за время которого страховая компания постепенно отказалась от поисков, придя к заключению, что Джеспера нет в живых, Джона все больше и больше поглощала какая-то не совсем понятная работа. Дни и ночи он проводил в размышлении, отрешась от реальной жизни и в тумане плотской ограниченности, казалось, уже различал проблески горних сфер духа.

Уже говорилось, что Джеспер Холт не просто играл на сцене, а перевоплощался в своего героя. Никогда не будет решено, какой великий актер погиб в этом пошлом банковском кассире. Он отказался от славы, но не остался без материального вознаграждения. За исполнение своей наиболее трудной роли он получил девяносто семь тысяч долларов. Возможно, он их заработал. Безусловно, за риск, связанный с этой ролью, такая плата была совсем не высока. Джеспер коснулся тайн человеческой личности, и теперь ему угрожала опасность потерять цель жизни, стать Агасфером духа, живым трупом.

IV

После унылых октябрьских дождей заостренные листья ив свернулись и опали. Кора на стволах отвалилась, открывая полосы сырого дерева неприятного желтого цвета. За оголенными деревьями подымалась

слепая каменная стена дома Джона Холта. Среди побуревших кустиков травы поблескивала слякоть. Вымощенная кирпичом аллея теперь никогда не просыхала. Мир съежился от этой пронизывающей сырости.

И человек в серых сумерках, бродивший взад и вперед по ивовой аллее, казался таким же мрачным, как эта больная земля. Его походка была вялой, губы шевелились от напряженных мыслей. Потертое пальто с позеленевшим от времени бархатным воротником было надето поверх помятого черного костюма с пожелтевшей манишкой.

«Что-то есть во всем этом... Я, кажется, вижу, хотя и не знаю, что же я вижу! Свет маяка... сверхъестественный мир, пред которым мысль о еде и сне становится смешной. Да, я уже выше закона. Я создал для себя свой закон! Почему же нельзя мне подняться выше законов зрения и увидеть тайны жизни? Но я согрешил и должен покаяться... когда-нибудь. Деньги возвращать не надо. Я понял теперь: они мне были даны, чтобы я мог вести эту жизнь созерцателя. Но неблагодарность по отношению к директору и тем, кто мне доверял! Неужели я только жалкий грешник? Неужели я слеп? Голоса — я слышу спорящие голоса — одни восхваляют меня за мою смелость, другие укоряют...»

Он стал на колени на скользкой гнилой скамье под ивами и начал молиться, а кругом сгущались сумерки. Ему казалось, что он молится не словами, а гигантскими смутными видениями, которых не в состоянии выразить слабые людские языки. Когда у него больше не осталось сил, он медленно побрел в дом и запер за собой дверь. Ему нечего было бояться, но он чувствовал себя спокойно, только если дверь была заперта.

При слабом свете свечи он приготовил свой скудный ужин — сухарь, яйцо, стакан дешевого чая со снятым молоком. После ужина, как всегда, ему захотелось выкурить папиросу — такое желание являлось у него после каждой еды вот уже целых полтора года,— но он не закурил. Он прошел в гостиную и весь долгий тихий вечер читал, не пропуская ни сносок, ни примечаний, старинную книгу о числах у пророков и о числе зверя. Он пытался делать заметки для своей книги об

откровении — этой стопки листов, исписанных мелким кудрявым почерком. Он исписал уже тысячи листов; он писал целые ночи напролет, но, казалось, его медленное перо не успевало за мыслями, которые от него ускользали, и почти все написанное Джон безжалостно сжигал.

Но когда-нибудь он создаст шедевр! Он ощупью идет к величайшему открытию, доступному смертным. Все, решил он, является символом — не только тот или иной священный знак, но всякое физическое явление. Исполненный восторгом и ужасом, он решил испытать свое новое прозрение... Висячая лампа слегка покачивалась. Он осмелился:

— Если этот колеблющийся кружок света коснется книжного шкафа, то это знак, что я должен уехать в Южную Америку уже другим человеком и потратить свои деньги.

Он задрожал и стал смотреть на невыносимо медленное движение лампы. Кружок света почти коснулся шкафа. Он затаил дыхание. Кружок пошел обратно.

Это было предупреждение. Он испугался. Неужели никогда ему не удастся выбраться из этого места томления и страха, которое он считал таким остроумным убежищем? Внезапно он понял все.

— Я бежал и нашел себе тюрьму! Не правосудие ловит человека — он ловит сам себя!

Он попробовал еще раз и загадал, сколько карандашей на столе — больше пяти или меньше? Если больше — значит, он согрешил; если меньше — значит, он действительно стал выше закона. Он начал передвигать книги и бумаги, отыскивая карандаши. От напряжения холодный пот выступил у него на лбу.

Внезапно он воскликнул:

— Неужели я схожу с ума?

И бросился в спальню — такую обыкновенную. Но он не смог заснуть. Лихорадочные мысли о мистических числах и тайных предзнаменованиях теснились в его мозгу.

Очнувшись от кошмара, в котором преследовавшие его видения обретали еще большую реальность, он закричал:

— Я должен признаться во всем! Но я не могу! Не могу — ведь я перехитрил их! Я не могу признаться и отдать им победу. Эти дураки бездельничают и все-таки поймают меня? Ни за что!

С тех пор как исчез Джеспер, прошло полтора года. Иногда ему казалось, что это произошло всего лишь полтора месяца назад, иногда — много столетий. Воля Джона была расшатана его странными занятиями: томительными часами, когда он, задыхаясь, склонялся над мистическими таблицами; бессонными ночами, когда ему казалось, что стол выстукивает слова, а пылающий уголь в камине говорит. И теперь, когда вторая осень его отшельничества сменялась зимой, он начинал сознавать, что у него не хватает энергии для осуществления планов бегства в Южную Америку. Прошлым летом он хвастливо убеждал себя, что покинет свое убежище и уедет на юг, запутав следы так, как умеет только он. Но... для этого требуется столько хлопот! Необходимость перевоплощения не доставляла ему той радости, которая помогла его брату Джесперу подготовить похищение денег.

Он убил Джеспера Холта и из-за жалкой кучки бумажек превратился в заплесневевшего отшельника!

Он ненавидел свое одиночество, но еще больше он ненавидел своих единственных товарищей, членов братства «Упование души»: набожную визгливую портниху, угрюмого плотника, домохозяйку с тонкими губами, старого крикуна с реденькими бакенбардами... Никто из них не обладал и каплей воображения. Их благочестивые беседы ничем не отличались одна от другой; одни и те же люди в одном и том же порядке подымались на кафедру и убеждали бога, что только они — его избранники.

Сперва он забавлялся успехами своего красноречия, но скоро они ему приелись; а кроме того, братья осмеливались равнять себя с ним — единственным человеком в мире, который постиг неземное блаженство возвышенных душ, скрытое за земными иллюзиями,— и это его бесило.

В конце ноября на очередном собрании в среду, после того как какой-то краснолицый субъект в течение

получаса доказывал, что он не может согрешить, Джон Холт потерял контроль над собой, и накопившееся раздражение прорвалось наружу. Он вскочил.

— Вы мне надоели — все вы! — рявкнул он.— Вы так уверены в своей святости, что считаете себя неспособными на грех. Так когда-то думал и я. А теперь знаю, что все мы — жалкие грешники!.. По-настоящему жалкие. Вы все себя так называете, но сами этому не верите. Я говорю, что и ты, наболтавший сейчас столько вздора, и ты, длинноносый брат Джадкинс, и я... я... я, несчастнейший из людей,— все мы должны раскаяться, исповедаться в своих грехах и искупить их! И я покаюсь сейчас! Я украл...

Он пришел в ужас, кинулся вон из зала без шляпы и пальто и, спотыкаясь, побежал по главной улице Роузбэнка. Только очутившись у себя дома и заперев за собой дверь, он немного пришел в себя. Он был испуган тем, что чуть не выдал своей тайны, и в то же время мучительно страдал, оттого что замолчал, не сознался во всем и не обрел единственного успокоения, которое теперь ему оставалось — успокоение кары.

Больше он не ходил на собрания братства «Упование души». Первую неделю он сидел дома и только ночью украдкой гулял по ивовой аллее. Неожиданно он почувствовал, что больше не в силах выносить тишину. Он опрометью выбежал из дома, не остановившись, чтобы запереть или хотя бы притворить парадную дверь. Он бежал в город, даже не накинув пальто на свою изношенную одежду, только нахлобучив старую фуражку на густые рыжие волосы. Прохожие удивленно глядели на него, и он терпел это в бессильном бешенстве.

Он зашел в закусочную, чтобы посидеть где-нибудь незаметно в уголке и послушать нормальную человеческую речь. Буфетчик уставился на него. Джон услышал шепот кассира:

— Это тот сумасшедший отшельник!

Все шесть посетителей глазели на него. Он почувствовал такую неловкость, что не смог даже притронуться к молоку и сандвичу, которые заказал. Оттолкнув тарелку, он обратился в бегство. Он потерпел поражение

в своей первой за полтора года попытке пообедать на людях, в жалкой попытке воскресить Джеспера Холта, которого он так хладнокровно убил.

Он зашел в табачный магазин и купил пачку папирос. Он наслаждался, отказываясь от своего аскетизма. Но когда, выйдя на улицу, он закурил, у него так закружилась голова, что он чуть не упал, и ему пришлось сесть на край тротуара. Собралась толпа. Он встал и, еле передвигая ноги, свернул в переулок.

Он долго ходил по улицам, строил самые противоположные планы и тут же отказывался от них: пойти в банк и во всем сознаться, промотать деньги — и не сознаваться.

Домой он вернулся только в полночь. Подойдя к двери, он вздрогнул. Дверь была открыта. Вспомнив, что сам не запер ее, он с облегчением рассмеялся и вошел. Он пошел прямо в спальню, но когда проходил мимо гостиной, то споткнулся о какой-то предмет величиной с книгу, только совсем легкий. Он поднял его. Это была коробка из-под конфет, имевшая форму книги. И она была пуста. Он испуганно прислушался. Нигде ни звука. Он скользнул в гостиную и зажег лампу.

Дверцы книжного шкафа были взломаны. Книги были выброшены на пол. Коробки из-под конфет, в которых еще днем хранилось девяносто шесть тысяч долларов, валялись рядом. И все они были пусты. Минут десять он рыскал по комнате, но нашел только пятидолларовую бумажку, которая завалилась под стол. В его кармане лежал доллар и шестнадцать центов. Теперь у Джона Холта осталось шесть долларов шестнадцать центов и больше ничего — ни службы, ни друзей, ни собственной личности.

V

Когда директору Национального лесного банка доложили, что его дожидается Джон Холт, он нахмурился.

— Черт возьми! Я уже совсем забыл эту язву! Он не показывался больше года. Хорошо... Хотя нет, ну его к дьяволу! Скажите, что я очень занят. Но, конечно,

если ему что-нибудь известно о Джеспере, тогда другое дело. Побеседуйте с ним и выясните.

Секретарша директора мягко сказала Джону:

— Очень жаль, но у директора сейчас совещание. А по какому делу вы хотели его видеть? Есть какие-нибудь сведения о... о вашем брате?

— Нет, мисс. Я пришел поговорить с директором по внушению свыше.

— Ах, так! Боюсь, что его сейчас нельзя беспокоить.

— Я подожду.

И он стал ждать. Он ждал все утро, весь обеденный перерыв — когда директор быстро пробежал мимо него,— и так до вечера. Наконец директор, которому мысль о том, что в приемной сидит это пугало, мешала работать, приказал позвать его.

— Ну, здравствуйте, Джон! Что вам угодно на этот раз? Я очень занят. Что-нибудь узнали о Джеспере, а?

— Ничего не узнал, сэр, но Джеспер... вот он! Я — Джеспер Холт! Его грех — мой грех.

— Да, да, я это уже слышал: братья-близнецы, души-близнецы — общая ответственность...

— Вы не поняли. Братьев-близнецов никогда не было. Джона Холта никогда не было. Я — Джеспер. Я придумал себе брата и загримировался под него. Разве вы не узнаете моего голоса?

Джон, грустно улыбаясь, наклонился над письменным столом, положив на него обе руки. Директор покачал головой и сказал:

— Боюсь, что нет. По-моему, это голос добродетельного, благочестивого Джона! Джеспер был веселым, энергичным негодяем. Его смех...

— Послушайте, я смеюсь!

Странное карканье, крик хищной болотной птицы вырвался из горла Джона. Директор вздрогнул. Его рука потянулась к кнопке звонка под крышкой стола.

Но Джон стал умолять его:

— Смотрите... это парик, парик! Вы видите, я — Джеспер!

Он сдернул свои рыжие волосы и застыл в ожидании, немного испуганный.

Директор был удивлен, но только покачал головой и вздохнул.

— Бедняга! Действительно парик. Но я не сказал бы, что это волосы Джеспера.

Он указал на зеркало в углу.

Пошатнувшись, Джон повернулся. И увидел, что черные прилизанные волосы Джеспера за долгие мучительные дни и ночи превратились в жидкие седые космы, прикрывавшие желтый череп.

Он жалобно настаивал:

— Поймите, я — Джеспер. Я украл из банка девяносто семь тысяч долларов. Я хочу понести наказание! Я сделаю все, чтобы доказать... Я бывал у вас в доме. Вашу жену зовут Эвелин. Мое жалование было...

— Мой милый, вам не приходит в голову, что все эти интересные факты вы могли узнать от Джеспера? Боюсь, что тяжелые переживания...— простите меня за откровенность — несколько повлияли на ваш рассудок, Джон.

— Никакого Джона нет! Нет! Нет!

— Мне было бы легче поверить этому, если бы я не был знаком с вами до исчезновения Джеспера.

— Дайте мне лист бумаги. Вы знаете мой почерк...

Дрожащими, скрюченными пальцами Джон схватил чистый банковский бланк и начал писать округленным, четким почерком Джеспера. Но за последние полтора года он исписал тысячи страниц мелким, кудрявым почерком Джона. И вот теперь, несмотря на все его старания, крупные, хотя и дрожащие буквы первых двух слов начали сменяться мелкими малоразборчивыми закорючками.

Он еще не кончил, когда директор, взглянув на бланк, сказал с усмешкой:

— Боюсь, что это бесполезно. Джеспер так не писал. Послушайте, уезжайте из Роузбэнка... куда-нибудь на ферму... поработайте на свежем воздухе... забудете ваши тревоги и хлопоты... проветритесь.— Директор встал и промурлыкал: — Меня ждет работа.

Он выжидающе посмотрел на Джона.

Яростно скомкав в руках бумагу, Джон швырнул ее на пол. На его усталые глаза навернулись слезы. Он простонал:

— Неужели я ничем не могу доказать, что я — Джеспер?

— Почему же? Вы можете вернуть то, что у вас осталось от девяносто семи тысяч!

Из кармана своего рваного жилета Джон вынул пятидолларовую бумажку и немного мелочи.

— Это все, что у меня осталось. Вчера у меня украли девяносто шесть тысяч.

Хотя директору было жаль несчастного сумасшедшего, он не мог не засмеяться. Потом он постарался принять сочувственный вид и ласково сказал:

— Вам очень не повезло, это очень большое несчастье, старина! Гм! Как же быть? Может быть, у вас найдутся родители или родственники, которые смогут подтвердить, что у Джеспера действительно не было брата-близнеца?

— Мои родители давно умерли, и я ничего не знаю о моих родственниках... Я родился в Англии; отец приехал сюда, когда мне было всего шесть лет. Может быть, нашлись бы двоюродные братья и сестры или прежние соседи, но я не знаю, где их искать. Сейчас — военное время, и это, пожалуй, можно выяснить, только поехав в Англию...

— Думаю, старина, что от этой мысли придется отказаться.

Директор нажал кнопку звонка и сказал вошедшей секретарше:

— Будьте добры, проводите мистера Холта.

На пороге Джон в отчаянии обернулся и крикнул:

— Можно отыскать автомобиль, который я утопил...

Дверь захлопнулась. Директор не слышал его.

Директор отдал распоряжение никогда, ни под каким предлогом не допускать к нему в кабинет Джона Холта. Он позвонил в контору страховой компании и сообщил, что Джон Холт сошел с ума и принимать его не стоит.

Джон не упорствовал. Он направился в окружную тюрьму. Войдя в кабинет начальника тюрьмы, он сказал спокойно:

— Я украл большую сумму денег, но не могу этого доказать. Может быть, вы меня арестуете?..

Начальник тюрьмы рявкнул:

— Пошел вон! Вы, бродяги, всегда утверждаете это, когда вам нужна бесплатная квартира на зиму! Какого черта ты не пойдешь поработать лопатой в песчаном карьере? Там платят два доллара семьдесят пять центов в день.

— Слушаю, сэр,— покорно сказал Джон.— А как туда пройти?

1918

СОДЕРЖАНИЕ

МАССОВАЯ СЕРИЯ

Синклер Льюис
Ивовая аллея

Редактор И. Гурова
Художник Б. Маркевич
Художеств. редактор Д. Ермоленко
Технический редактор В. Гриненко
Корректор Л. Коншина

*

Сдано в набор 26/XI 1956 г.
Подписано к печати 25/XII 1956 г.
Бумага $84 \times 108^1/_{32}$ — 1,5 печ. л.=2,46 усл.
печ. л. 2,127 уч.-изд. л. Тираж 315 000
Заказ № 2440. Цена 65 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности. Первая Образцовая
типография имени А. А. Жданова
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

65 коп.